

*Сурков Матвей Михайлович
1886-1952*

По страницам воспоминаний участника революционных событий 1917–1921 годов на территории Новосибирской области **Суркова Матвея Михайловича.**

Материал подготовил внук М.М. Суркова заслуженный артист РФ **В.В. Карасёв**

Присукая к изложению воспоминаний Матвея Михайловича Суркова, необходимо кое-что оговорить. Во-первых, его рассказы исключительно автобиографичны, в них речь идёт только о тех событиях (в основном политических), в которых он лично принимал участие и, таким образом, был прямым свидетелем тех процессов. Во-вторых, сама односложная форма повествования, простонародная лексика

требует некоторых пояснений. Писал он, по-видимому, всё на память, возможно, где-то был не совсем точен, не всегда указывал даты и время описываемых событий, но в целом это нетрудно определить. Чтобы приблизить в нашем сознании и придать большую объективность событиям, о которых вспоминает мой дед, представляю статью директора Куйбышевского дома-музея им. В.В. Куйбышева Н.И. Павловой, опубликованную в областной газете «Советская Сибирь» в № 33 от 8 февраля 1990 года.

Каинск в годы гражданской войны

Как проходило становление Советской власти в наших краях? Что принесла сюда гражданская война? К сожалению, немало людей почти ничего не знают об истории родного края того периода. Бытует мнение, что бурные события происходили где-то вдали, а у нас всё было тихо и спокойно.

Между тем о спокойствии тех лет говорить не приходится. Классовая борьба достигла полного накала, то были годы героические и, вместе с тем, трагические, кровавые. Каинск (ныне Куйбышев) представлял из себя небольшой купеческий городок. Пролетариата здесь было мало, основная часть населения – мещане. О революционных настроениях масс потому говорить сложно. Но всё же имелись в Каинске большевики, члены других левых партий, а также люди, им сочувствовавшие.

На февраль (1917 г.) здесь намечалось важное для города событие – открытие железнодорожной ветки, которая соединяла город с Сибирской магистралью. Случилось так, что первый паровоз доставил манифест об отречении царя. Рабочие бурно выражали радость, рядовые обыватели растерялись, купцы и чиновники приуныли. Духовенство долго

не решалось начинать молебен (рабочие категорически запретили упоминать царя) и, пробормотав вместо многолетия царю что-то невнятное, поспешно удалились.

Власть в городе принадлежала городской думе. До поры до времени особых изменений в Каинске не происходило. Но когда пришло известие о падении Временного правительства, началась подготовка к созыву съезда Советов. Вскоре такой съезд состоялся. От города и деревень на нём было более ста делегатов. Большевиков всего двое – Сурков и Артемьев. Съезд прошёл под эсеровским влиянием. На съезде избрали совет из тридцати человек. В него вошли Папшев, Сурков, Артемьев, Иссерс, Тесёмкин и другие. Председателем стал эсер Суходолов. Совет наметил такие задачи: добиться восьмичасового рабочего дня, обеспечить население продуктами, изыскать средства путём изъятия их у буржуазии, организовать Советы в сёлах. В деревнях и сёлах Советы создавались успешно, но вот остальные задачи исполнялись с трудом. Мешало отсутствие единства – в Совете были люди с разными политическими убеждениями.

5 марта 1918 года созвали второй съезд, где переизбрали Совет. Однако второй состав оказался ещё менее работоспособным, чем первый.

3 мая 1918 года был созван третий съезд, здесь победили большевики. В Совет вошли большевики Сурков, Носков, Елистратов, Чикулаев, Ермаков, Николаев, Черников и другие. Председателем стал старый большевик М.С. Здвинский. Совет полностью взял власть в свои руки. Однако близок уже был заговор контрреволюции. 27 мая Барабинск захватили чехи. По телефону они позвонили в Каинск и предложили большевикам сдать оружие. Те – отказались. Ещё один звонок – и снова отказ. Большевики решили ехать в Барабинск. Прицепили к паровозу три вагона, посадили в них красно-

вардейцев. Было это ночью. На полпути произошёл бой. Красногвардейцы отступили.

На следующий день Здвинский был арестован, власть в Каинске перешла в руки белочехов, возглавляемых будущим генералом Гайдой. Большевика М.М. Суркова чехи отпустили. Близ села Покровка Сурков нашёл свою роту. Со стороны Татарска подошёл красногвардейский полк, на платформах поезда стояли пулемёты и орудия. Соединившись, красногвардейцы ударили по Барабинску и выбили оттуда белочехов. Тут подошёл ещё венгерский интернациональный отряд. Красные наступали до Чулыма, однако здесь к чехам подошло подкрепление, и они стали наступать. Сильный бой произошёл у станции Кожурла, но силы были неравные, красные вновь отступили. В это время пал Омск и с запада тоже двинулись белогвардейцы. Около станции Чаны красные попали в окружение. Бой длился сутки. Венгры – а их осталось двести человек – дрались геройски. Они прорвали окружение и ушли в урман. Красногвардейцы из Татарского полка и Каинской роты тоже сумели уйти.

Так пала Советская власть в Каинском уезде.

Теперь здесь правил так называемый Западно-Сибирский эмиссариат Временного сибирского правительства. Поначалу присутствовали в этом правлении методы буржуазной демократии, либерализм. Некоторые большевики оставались на свободе, они выступали на собраниях и сходах, даже проводили свои резолюции. Однако в скором времени правительство обнаружило неспособность управлять демократическими методами, стали усиливаться репрессии. Политзаключённых Каинской тюрьмы расстреливали как по приговорам суда, так и под предлогом попытки к бегству. Особенно страшное преступление белогвардейцы совершили в ночь на 26 июня. Пьяные палачи вывели на берег Оми За-

криевского, Пиотровского, Гуроля, Рассолова, Майстеров, Красильникова, Папшева, Рыженкова и там издевались над ними – выкалывали глаза, ломали кости, вырезали ремни из кожи, а затем убили.

Многие большевики и красногвардейцы, участвовавшие в боях с белочехами, укрылись в деревнях и сёлах. Они оказывали на крестьян большое влияние; под этим влиянием иные сельские волости не признавали новую власть, отказывались снабжать её продовольствием. Сопrotивление подталкивало правительство к свёртыванию демократии. Была создана «народная» милиция, запретившая проводить крестьянские сходы. Происходили массовые порки, расстрелы. Вместе с тем усиливалась экономическая разруха, товары дорожали, товарообмен для крестьян был невыгоден. В сентябре 1918 года правительство издало распоряжение о сборе недоимок за 1915–1917 годы. Это вызвало массовое озлобление крестьян. Обстановка накалялась.

В конце ноября к власти в Сибири пришёл адмирал Колчак. Начался массовый террор. В ответ в сёлах Каинского уезда возникают подпольные группы. В селе Кама такую группу возглавил П.Р. Добрыгин, членами её стали К.Ф. Обласков, П.О. Показанов, П.М. Цепелев, А.К. Пуртов, Я.И. Акулов. Подпольные группы возникали и в других сёлах.

Разумеется, существовала большевистская подпольная организация и в Каинске. Работала она под руководством Омского обкома РКП(б). Возглавлял её Ф.И. Карпунин. В организации состояли: Мануйленко, Фролов, Воздвиженский, Фукс, Воляева, Салито и другие.

Большевикам удалось устроить своего человека – Зонова – надзирателем в Каинскую тюрьму и через него установить связь с политзаключёнными. Предполагалось крестьянское восстание в Каинском уезде сочетать с восстанием в Каинске

и Барабинске. Эти восстания планировалось начать в конце весны – начале лета. Однако весной 1919 года колчаковская контрразведка обрушила на большевистское подполье ряд ударов. 4 марта были арестованы члены Томского подпольного комитета РКП(б). 2 апреля – члены Омского обкома. 13 мая начались аресты в Каинске и Барабинске. Были схвачены Карпунин, Мануйленко, Фролов, Зонов, Фукс, Берман, Рылеева и другие.

Политзаключённым Каинской тюрьмы ещё до этого было передано оружие: четыре гранаты, три револьвера. Восстание в тюрьме вспыхнуло стихийно, ранее назначенного срока, в момент, когда тюрьма была окружена польскими легионерами. 24 июня двадцать два заключённых вырвались за ворота тюрьмы, но там попали под огонь надзирателей и белополяков. Бежать удалось лишь двоим, остальные погибли или были схвачены.

Между тем партизанское движение перерастает в настоящую народную войну. Отряды становятся всё более крупными. Во многих сельских волостях партизаны установили народную власть. Был разработан план действий, согласно которому партизаны должны были освободить огромную территорию и соединиться с Красной Армией. Выполнение этого плана обеспечивало захват большого участка Транссибирской магистрали, что ускорило бы гибель колчаковщины.

Сначала план выполнялся успешно. Партизаны заняли ряд населённых пунктов, стали контролировать движение по Иртышу. Однако колчаковцы направили на борьбу с партизанами усиленные войсковые части. Бои были тяжёлые. Деревни и сёла по несколько раз переходили из рук в руки. В конце концов Урманское восстание потерпело поражение. Остатки партизанских отрядов укрылись в непроходимых лесах. Но значение восстания велико – благодаря ему ускорилось на-

ступление Красной Армии с запада, ведь партизаны отвлекли немало сил врага.

Расправа были жестокой. В каждой деревне – расстрелы. В Соколовке на спиртзаводе обосновалась контрразведка, где свирепствовали поручик Остапенко и капитан Остатов. Изуродованные трупы выбрасывали в болото. Однако Красная Армия приближалась. 14 ноября пал Омск. Перед оставлением Каинска белые совершили ещё одно страшное преступление: уничтожили почти всех заключённых каинской тюрьмы.

2 декабря 1919 года красные заняли Каинск. Началась новая глава в истории нашего небольшого сибирского города. Мы должны помнить страшное время белого террора, когда было пролито так много крови борцов за народное дело.

Пролог

Сохранились пожелтевшие от времени и недостаточно аккуратного хранения полуистлевшие, местами совсем как бы изъеденные тетрадные листы, на которых рукой самого Матвея Михайловича написана автобиография. В ней говорится, что родился он в Тамбовской губернии, Борисоглебского уезда*, Мало-Алабугской волости** в селе Малая Алабуга в 1886 году в семье крестьянина-бедняка. Отец занимался крестьянским трудом, имел бедное хозяйство и подрабатывал распиловщиком леса.

«В 1894 году отец определил меня на учёбу в церковно-приходскую школу, которую я закончил в 1898 году. Подростком работал у купца Аносова барковолоком и погонщиком

* *Уезд* – административно-территориальная единица в России. Известна с 13 века. Совокупность волостей, тяготеющих к центру. В СССР преобразованы в районы.

** *Волость* – полусамостоятельная сельская территория, подчинённая уезду, городу.

лошадей при механической молотилке. Потом освоил профессии: плотника, столяра, мог выполнять работу бондаря, колёсника, стекольщика.

Уже в молодые годы вошёл в подпольную организацию, которой руководил Растяпин Егорович. Распространял прокламации – листовки под редакцией книгоиздательства «Новый мир». В 1905 году принимал участие в разгроме имений князя Волконского.

После событий Первой русской революции 1905 года преследовался властями на Тамбовщине, одно время скрывался под чужой фамилией. Тогда жить в тех местах стало очень тяжело, и мы с братом Владимиром, некоторыми близкими родственниками и земляками решили уехать жить в Сибирь, где, как говорили, было много свободной земли и мы, имея трудовые руки, надеялись там жить хорошо.

В 1908 году с семьёй прибыл в Сибирь и поселился в селе Нижний Каргат (теперь Здвинск). Нанимался на плотницкие

и столярные работы к богатым мужикам. Познакомился и сблизился здесь с политическими ссыльными Синицким Дементием Антоновичем, Керзик Никифором Фёдоровичем, Здвинским Моисеем Станиславовичем. Керзик и Здвинский считались механиками, ещё до нашего приезда они построили кузницу, а потом купили старый неисправный паровик, отремонтировали его и открыли мельницу. Синицкий выписывал разные лекарства и лечил людей. Дела

*Здвинский Моисей Станиславович
1876-1919*

шли хорошо, к ним потянулись люди, они стали проводить разные разъяснительные беседы, давали желающим запрещённые книги.

В 1912 году в Нижний Каргат приехал инспектор из Петербургского госбанка, организовал местное «Кредитное товарищество». Председателем избрали Климова Ефрема Семёновича, а меня казначеем. Но Климов с делом не справился, через два месяца его переизбрали на общем собрании и меня назначили председателем и счетоводом. В европейской части России эти кредитные общества были давно, я кое в чём разбирался и начал работать. Стали давать крестьянам ссуду под небольшие проценты или под залог расчёта – хлебом. Люди были довольны, стали обзаводиться хозяйствами, приобретать сельхоз. машины, инвентарь. Крестьянство стало активно заниматься хлебопашеством. В общем, дела у нас пошли неплохо, но скоро началась война. В 1914 году был, как и многие мужики, мобилизован в царскую армию».

Начинает свой рассказ Матвей Михайлович с того, что в 1914 году, вскоре после начала первой Русско-Германской войны, он был, как и многие военнообязанные мужчины, мобилизован в армию. В течение двух лет проходил службу в городе Барнауле, но ничего, кроме этой фразы, о службе не говорит. Интересно было бы знать, какие задачи выполняло в военное время его воинское подразделение в мирном, далёком от фронта городе. Рассказывает лишь об одном запомнившемся ему эпизоде. Однажды он оказался свидетелем оскорбления и унижения (возможно, даже рукоприкладства) унтер офицером одного из подчинённых солдат. «Я заступился за солдата, высказался против оскорблений, против такой службы и вообще против войны и царя. Унтер-офицер доказал

на меня начальникам, и меня арестовали. Два месяца держали под следствием, но потом заступился ротный командир, и дело в суд не передали».

Далее рассказчик переносит нас уже в 1916 год, когда очень бурно развивались политические события в стране. Общество раскололось на противников и сторонников продолжения войны до победного конца.

1

«В 1916 году нас перегнали в город Ишим. Как-то поздней осенью власти города на базарной площади собрали митинг в поддержку войны. Вот выходит к трибуне солдат, сам весь какой-то оборванный, грязный, в рваной обуви и заявляет:

– Землячки! Я за веру, царя и отечество добровольцем иду на фронт.

Ему аплодировали и кричали «Ура!». Потом к нему пробралась какая-то толстая, упитанная такая, разодетая дама. Протягивает солдату плоскую баночку, похожую на мыльницу, и говорит:

– Я защитнику веры, царя и отечества дарю от себя вот этот портсигар.

Ей также все аплодировали, но я не выдержал, протолкался к трибуне и громко крикнул:

– Даме жестянки не жалко для этого дурака, который голову свою понесёт под пули. А кому нужна эта война, кто её затевал? Не этому же дураку-оборванцу, а тем, кто дарит ему жестянки. Они его покупают, а сами туда не идут. Они затевали войну, пусть сами идут и воюют, а не эта беднота.

Тут поднялся прямо переполох, меня схватили, арестовали и посадили в тюрьму. Следствие велось долго, но случилось событие, которое меня спасло. Император Николай второй отрёкся от престола, всюду стал полный разброд, всех заклю-

чённых амнистировали, выпустили и меня. Уже на второй день в части, где я служил, состоялось гарнизонное собрание. Многие кричали: «Вон того надо избрать, которого выпустили из тюрьмы», и меня избрали председателем Солдатского комитета.

Время наступило сложное. Люди не понимали, как же дальше жить без царя, не понимали, что же происходило в стране и её руководстве. Отречение царя от престола многих вообще завело в тупик. Офицеры, эсеры, кадеты и прочие призывали воевать до победного конца, победим, мол, тогда разберёмся. Я знал, как настроено большинство солдат, и выступил против продолжения войны.

В эти же дни произошло событие, которое мне крепко запомнилось. Когда служил в Барнауле, знал многих людей, читал газету «Жизнь Алтая» и выявил здесь, в Ишиме, провокатора, который раньше служил там, а потом появился уже здесь в Тюменской охранке. Звали его Кудинов Пётр Александрович. Через него многие люди погибли, были сосланы и сидели в тюрьмах. Мы в солдатском комитете с моими сторонниками решили его арестовать, сделали это и посадили в тюрьму. Начальник гарнизона – капитан, фамилию которого не помню, освободил провокатора. Мы его опять арестовали, и начальник снова его освободил. Тогда решили арестовать самого начальника. Пришли в его дом ночью, стучим в дверь.

– Кто там? – спрашивают за дверью.

– Это мы, из солдатского комитета.

– Нет, я вам не отворю.

Мы предупредили, что если он не откроет, будем стрелять. Вдруг услышали выстрел за дверью, и всё затихло. Немного подождали и выломали дверь. Оказалось, что он сам застрелился. Вот такая была общая обстановка. В такой неразберихе

мы и жили: служба – не служба, да и кому служили, было непонятно.

Как-то я сидел в роте, беседовал с солдатами, объяснял, как понимал, политику большевиков, которую сам поддерживал. Зашёл солдат Егоров Пётр Дмитриевич и сказал, что в подвале винзавода проходит собрание и меня туда приглашают. Мы с Егоровым поехали. Оказалось, там проходило офицерское собрание. Когда спустился вниз, услышал:

– Можно заканчивать собрание. Явился председатель солдатского комитета – но выступающий продолжал.

– Господа офицеры. Наш соратник генерал Корнилов пошёл на Петроград, чтобы освободить столицу от большевиков, захвативших власть в России. Большевики рвут Россию на части, продают её иностранцам. Нужно сохранить единую и неделимую Россию. Мы не должны посрамить офицерский мундир, а обязаны поддержать генерала в его борьбе за сохранение России.

Я слушал, еле сдерживая себя от злости. Потом попросил дать мне слово и сказал:

– Да, Россия должна быть неделимой. Мы все за это боремся, но ваша провокация с Корниловым будет разбита. Не ваши чистые мундиры совершили революцию и свергли царя, а наши серые солдатские шинели, и власть мы не отдадим ни вам, ни вашему генералу.

Какое-то время стояла тишина, а потом пошли выкрики и более резкие выступления. Я там был один и понял, чем для меня это может кончиться. Егоров стоял у меня за спиной, потом что-то выкрикнул и вышел. Тогда я ещё резче и громче выступил против их заговора и быстро вышел. Меня не задержали. Егоров ожидал на улице, мы сели на лошадей и направились в расположение своей второй роты. Я поднял тревогу, скомандовал «в ружьё!» и послал гонцов в другие роты. Когда

собрались все члены солдатского комитета, я объяснил, что офицеры собираются бунтовать, они хотят поддержать генерала Корнилова, который идёт на Петроград, чтобы захватить власть. Мы должны им помешать. Построились и направились в сторону винзавода. Окружили его и закрыли подвал, где были офицеры. Обстановка накалялась, но мы не знали толком, что же делать дальше. Обсуждение было бурным, и вдруг мне стало плохо, со мной случился, вроде как, припадок, и я потерял сознание. Когда пришёл в себя, товарищи решили отправить меня на лечение в госпиталь, в Омск. Как потом рассказали, тогда у винзавода всё обошлось благополучно. Член солдатского комитета, хороший честный офицер капитан Кехля, провёл переговоры с офицерами и уговорил солдат их выпустить из подвала. В Омске я пролечился полтора месяца, а потом врачебная комиссия отпустила меня как бы в отпуск на два месяца. Дали сопровождающего, так как я себя ещё чувствовал неважно, и выписали из госпиталя.

2

В конце 1917 года я вернулся домой к семье в село Нижний Каргат Каинского уезда Томской губернии. В декабре на 1-м волостном съезде Советов я и крестьянин из деревни Михайловки Леус Горовец были избраны делегатами от Нижне-Каргатской волости на Первый уездный съезд Советов рабочих и крестьянских депутатов в городе Каинске. Обстановка была сложная, в городе всюду главенствовали эсеры и меньшевики. Съезд работал четыре дня в помещении, где потом была контора мехзавода. Руководил съездом старый опытный эсер, присланный из Томска, по фамилии Куц. Тон задавали эсеры Александров, Соколовский, Мирович, Куц, Суходолов и меньшевики – Бакурадзе, Малыгин, Тесленко и другие. Все они говорили, что власть в стране должна принад-

лежать хозяину земли русской «Учредительному собранию». Им аплодировали. Позицию большевиков отстаивал один я. Я утверждал, что власть должна принадлежать Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Крестьяне, находившиеся в зале, аплодировали мне.

Среди делегатов из деревень было много зажиточных мужиков и кулаков, но они поддерживали мою позицию. Когда я выступал, многие кричали из зала: «Правильно!»

После долгих споров приступили к принятию резолюции съезда. В комиссию по выработке резолюции вошли: Суходолов, я и член Государственной Думы кадет Карлов. Мнения были разные, каждый предложил свой текст резолюции, и началась новая борьба.

В моей резолюции говорилось, что «Вся полнота власти должна принадлежать Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

Эсеры требовали своё: «Власть должна принадлежать Учредительному собранию».

Кадеты злились, но своей резолюции не предлагали.

Видя настроения делегатов съезда, Суходолов предложил кадету подписать мою резолюцию: «Всё равно будет по его, видишь, его весь зал поддерживает». Но кадет отказался подписывать, а Суходолов – подписал. Стали голосовать. Меньшевики и эсеры восстали против моей резолюции, не давали мне выступать, но зал был за меня, поднялась целая буря: «Пусть он говорит!» Всё-таки мне снова дали слово, я выступил, и стали голосовать. Моя резолюция была принята абсолютным большинством. Приступили к выбору кандидатур в члены Совета депутатов. В итоге в Совдеп прошли избранными: я – Сурков М.М., Суходолов, Тесемников, Пиотровский и от деревень и волостей избрали зажиточных стариков. На этом съезд закончил свою работу.

Только объявили о закрытии съезда, вдруг в зале появился учитель гимназии эсер Волков, сказал, что только приехал из Петрограда и попросил слова. «Я был в Петрограде, где считают настоящей властью «Учредительное собрание» и кто это может игнорировать хозяина земли русской?!» – возмущённо заявил он. Опять поднялся шум и споры, но эсеры и меньшевики поддержали Волкова и добились того, чтобы от имени съезда послать «Учредительному собранию» приветствие – телеграмму.

Первый Каинский Совет депутатов приступил к работе. При распределении обязанностей, я был назначен уездным комиссаром. Было решено командировать членов Совдепа по деревням уезда для помощи в организации и проведении выборов волостных Советов депутатов. Стали разъезжаться. Мне удалось организовать Советы в Зюзинской, Таскаевской волостях, а в НижнеКаргатской волости, откуда я был делегирован, провели свой волостной съезд. Я выступал и рассказывал о том, как проходил в Каинске Первый уездный съезд. В Нижнем Каргате председателем Совета крестьянских депутатов был избран Соловьёв Прокопий Сергеевич. Он активно принялся за работу. Организовал сельские Совдепы и руководил волостью, но законов никаких не было, всё решали власти на местах, и это считалось законным.

Во многих других волостях выборы Советов проходили плохо. Членов Совдепа, зажиточных мужиков и кулаков разagitировали разъехавшиеся по сёлам эсеры и меньшевики, и они сидели по домам в своих деревнях и ничего не делали. Нас в городе, фактически работающих, осталось всего три человека: я, Суходолов и Тесемников. Мы решили привлекать к работе живущих поблизости делегатов первого съезда, но позиции не сдавать. Как-то мне передали, что буржуазные провокаторы ездят по деревням, проводят собрания и вы-

носят постановления на свержение Советской власти. Мы с группой товарищей, поддерживающих меня, вооружившись наганом, винтовкой, выехали в деревню Сартаково и как раз вечером попали на собрание, которое проводил провокатор Митрохин. Он был с сыном. Мы их обыскали и нашли отпечатанный в типографии протокол собрания. Протокол мы тут же отобрали, а самих арестовали и привезли в город.

Все мы видели, что дела у нас в Совете идут плохо и надо что-то делать. Посоветовавшись, решили созвать в уезде Второй съезд Советов. В помощники пригласили бывших делегатов первого съезда Иссерса, Михлина, Артемьянова и попросили помочь разослать по волостям извещения о созыве 2-го уездного крестьянского съезда Совета депутатов. Но тут случилось ещё одно неожиданное и важное событие. Из Центра пришёл правительственный декрет «Об отделении церкви от государства». Одному из членов Совдепа по фамилии Пиотровский было поручено огласить этот декрет на общегородском собрании. Когда он зачитал, то вызвал настоящую бурю в толпе и его бросились избивать. Одним из зачинщиков этого избиения, призывавшим убить Пиотровского, был инструктор Сибирских маслодельных артелей Головин. Самосуд удалось предотвратить местному учителю Кулагину Владимиру Яковлевичу. Мы решили Головина арестовать и посадить, что и сделали.

В то время в Каинске в казарме стояли две роты солдат, призванных ещё царём. Они не вмешивались в наши политические дела, но тут на вторые сутки после ареста Головина к нам в Совдеп пришёл офицер с двенадцатью вооружёнными солдатами и пригрозил разнести наш Совдеп, если мы не выпустим арестованного. Мы были вынуждены отменить своё постановление и Головина освободили.

В первых числах марта 1918 года в Каинск стали съезжаться представители волостей на 2-й съезд Советов рабочих и крестьянских депутатов. Из Барабинска прибыла группа ярых меньшевиков во главе с машинистом Каплуном Даниилом Калиновичем. От Нижне-Каргатской волости были я и Здвинский Моисей Станиславович. Инициативу на съезде взяли в свои руки меньшевики и эсеры. Ведущим был Каплун, он же стал и председателем Каинского уездного Совдепа. Я остался, как и прежде, уездным комиссаром. На съезде избирали делегатов от уезда на губернский съезд Советов в г. Томск. Ими стали Здвинский М.С. и Гаврилов Александр Иванович Спасской волости села Нижний Тартас (ныне Венгеровский район). Съезд проходил так бурно, что этот самый прапорщик Гаврилов и лавочник из села Покровка меня чуть не побиили за мои большевистские убеждения, такая была ненависть. Новый председатель построил работу Совета явно в интересах местной буржуазии, дружил с ними, и мы быстро поняли, что с ним не сработаемся. Для меня и моих сторонников встала задача: как же сменить меньшевистское руководство. Помог нам случай.

Вскоре мы узнали, что через Барабинск на восток для борьбы с белогвардейцами атамана Семёнова будет проезжать полк Красной Армии. Мы их дождались и с Иссерсом поехали в Барабинск, встретились с командиром полка, объяснили ситуацию в Каинске: как же так можно, что руководит уездным Советом крестьянских депутатов ставленник буржуазии и меньшевик? На другой день по железнодорожной ветке на станцию Каинская прибыл поезд с вооружёнными красноармейцами. В Совдеп пришли командир полка и комиссар. Командир достал наган, положил на стол и поговорил с председателем, который сидел ни жив – ни мёртв. Расспросили Каплуна о работе Совета депутатов. В итоге, когда уходили,

сказали, что если он не изменит направление в работе и не будет защищать интересы простого народа, то на обратном пути, после того как разобьют семёновцев, они снова заедут сюда и его просто расстреляют. Потом попросили помочь им купить двенадцать хороших лошадей, мы, мол, заплатим. Через некоторое время люди, которым было поручено, привели лошадей, они за них заплатили и уехали.

После этого случая председатель ходил сам не свой, напуган был так, что на ближайшей сессии поставил вопрос о замене его на этой должности «по состоянию здоровья». Наступило время, когда начали прибывать демобилизованные из армии солдаты, многие из них поддерживали политику большевиков. Появилась возможность вытеснить из Совета эсеров и меньшевиков, и мы поставили вопрос о созыве 3-го уездного съезда Советов.

3-й съезд открылся в первых числах Мая 1918 года.

К открытию съезда в г. Каинск из Томска прибыл тов. Здвинский Моисей Станиславович, он не был делегатом, но мы обратились к участникам съезда, чтобы дать ему такие полномочия. Съезд нас поддержал. На этот раз в зале было много фронтовиков, сочувствующих большевикам, поэтому при выборе уездного Совета депутатов мы кандидатуру тов. Здвинского выдвинули и большинством голосов он был избран председателем Совета рабочих и крестьянских депутатов Каинского уезда. Я опять остался при Совете уездным комиссаром.

У нового состава Совдепа работа пошла успешнее. Первое решение было – создать роту Красной Гвардии. Она была очень нужна, так как до сих пор в городе существовало двоевластие: Совдеп и Земская Управа. Ещё в городе квартировали солдаты царской армии, и неизвестно, как они себя поведут в случае чего. Приняли решение связаться с Барабинской ротой

Красной Гвардии и совместно с ними разоружить солдат и распустить их по домам.

Так и сделали. Поздно ночью осторожно окружили казарму, которую охраняли три часовых. Мы знали, где их посты. Убрали часовых без выстрела, просто скрутили их и закрыли рты, чтоб не шумели. Одного часового подмял я, второго – Мецнер Константин Петрович, а третьего Макаров Василий. Солдаты спали, был час ночи. Двое Барабинских рабочих – красногвардейцев захватили пирамиду (оружие). Товарищ Здвинский дал команду «подъём», зачитал решение Совдепа о ликвидации их воинской части. Предложил желающим записаться в Красную Гвардию, а кто не желает, тот свободен уходить, куда знает. В ряды Красной Гвардии записалось тут же 13 человек, а остальные собрали свои котелки и вещи и разошлись кто куда.

После ликвидации отряда царской армии в казарме была размещена рота красногвардейцев. Теперь нужно было упразднить Земскую управу. Тов. Здвинский, я, члены Совдепа Чикулаев, Стафиевский и Михлин пошли туда. Нас сопровождали бойцы Красной Гвардии, потому что мы знали, что Управа просто так не сдастся. Вошли в здание Земства, Здвинский попросил всех служащих Управы собраться в зале. Когда все собрались, он зачитал решение Совета депутатов, что с сего дня уездная Земская Управа объявляется вне закона. Все дела, имущество, денежные средства передаются Совету народных депутатов, как истинной народной власти. Начальником милиции Земской Управы был меньшевик, бывший машинист Барабинского депо Анастасенко. Он стал протестовать, выхватил наган и выстрелил вверх, конечно, желая нас напугать. Мы тоже своё оружие направили на него, пригрозили арестом. Он бросился бежать, кто-то выстрелил ему вслед, но промахнулся, и Анастасенко убежал.

Председателем Земской Управы был крупный правый эсер по фамилии Брыснор. Он стал возмущаться, хотел поднять шум, но, видя, что уже дошло до стрельбы, да ещё стали заходить красногвардейцы, понял, что с ним не шутят, сник и сдался. Проверили кассу, составили инвентарную опись, тут же создали комиссию для приёма средств и провели все другие нужные процедуры передачи власти.

Закончив с Земской Управой, пошли в продовольственную Управу, изгнали оттуда кадетов Заруховичей и назначили своего комиссара. Потом заменили руководство Банка и сменили руководителя винзавода Мировича. Национализировали мукомольную мельницу буржуя Рыбникова. И вот наконец-то Совет депутатов в городе Каинске взял на себя всю полноту власти. Но, к нашему несчастью, этот Совет просуществовал совсем не долго, приближались новые трудные времена.

3

Поздно вечером с 25 на 26 мая 1918 года проходило очередное заседание Совдепа. Вдруг зазвонил телефон. Здвинский снял трубку.

– Алё! Совдеп слушает.

В трубке мужской голос категорически говорит:

– Приказываем к 12 часам ночи сдать город Каинск.

– Что это за шутка, кто говорит?

– Не сдадите, город будет объявлен на осадном положении.

И трубка замолчала.

Ничего не поймём. Что случилось, кто звонит, откуда? Выяснили на телефонной станции, что звонили из Барабинска. Посылаем двух членов Совдепа Ермакова и Носкова в Барабинск прояснить обстановку. Вскоре узнаём, что их там арестовали. Тогда подобрали группу надёжных людей

из красногвардейцев и послали туда в разведку. Сидим все в напряжении, ждём.

Разведка донесла, что город захватили чехи, которые с Дальнего востока возвращались в Европу, к себе, а в пути объединились с белогвардейцами и решили захватить власть в Сибири. Войск было много, много пушек, пулемётов и другого вооружения. Стало ясно, что из Каинска нам надо уходить.

Оружие у нас было, но только стрелковое, конфискованное у царских рот, и всего одна рота красногвардейцев, а у чехов – сила, и они нас просто перебьют. Первым делом, взяли часть оружия: винтовки, бомбы, патроны, на подводах увезли в сторону разъезда Барабушка, это недалеко от Барабинска на запад по железной дороге, и там его спрятали на всякий случай и замаскировали. Потом вернулись в город и решили пока разместиться с красногвардейцами за речкой Омкой в Мошнино. Разведка работала хорошо и докладывала обстановку. Недавно организованной ротой красногвардейцев командовал бывший прапорщик Подшивалов, но Здвинский, видимо, ему не доверял и на последнем заседании предложил отстранить Подшивалова. Тут же это решение было одобрено Советом и командиром красногвардейцев назначили меня. Я принял командование ротой, и мы с членами Совдепа решили провести одну операцию.

На железнодорожной станции «Каинская» взяли паровоз, прицепили три пустых вагона, но только так, чтобы паровоз толкал их тендером, красногвардейцы поместились в тендере, наполовину заполненном углём, а я был в кабине паровоза с машинистом Шадурским. Так мы потихоньку поехали в сторону Барабинска. Не доезжая до него 3–4 километра, увидели на пути огонь фонаря. Подъехали ближе и видим, что стоит

на пути, как видно, чешский офицер с револьвером в руке и рядом – солдат держит фонарь. Мы остановились.

– Стой! Ни с места. Всем выйти на пути! – громко крикнул офицер.

Мы поняли, что нам хотят устроить ловушку, и я дал команду стрелять. После первых выстрелов огонь погас, и тут по вагонам начали бить с двух сторон. Град пуль. От вагонов только щепки летят. Они думали, что Красная Гвардия была в вагонах, и бьют по ним, а красногвардейцы открыли огонь из пулемётов и трёхлинеек прямо из тендера паровоза. У чехов были винтовки – четырёхлинейки, стреляли они свинцовыми пулями, во время выстрела из ствола вылетал сноп огня, поэтому видно было, куда стрелять, и мы их здорово побили. Но их было много. Скоро они бросились на «Ура» на паровоз. Я дал команду машинисту «дать шибкий ход назад». Мы быстро оторвались от чехов и уехали. В Каинск привезли одни рёбра от тех трёх вагонов, но и чехам досталось, наверняка, было много убитых и раненых. Потом мы вернулись в Мошнино на старое место и там отдыхали до утра, кто как устроился. Расположились мы за мостом через Омь, за домом на кирпичном фундаменте, где можно было спрятаться от пуль.

4

Утром было, вроде, всё спокойно. Тов. Здвинский решил пойти в город в типографию, чтобы отпечатать воззвание к горожанам и расклеить по всему городу. С ним пошли бывшие прапорщики Жердев, Стафиевский и ещё четверо членов Совдепа. Потом мы узнали, что именно эти люди, или кто-то из них встретились с чехами, сказали им, где сейчас находится красная гвардия, указали на Здвинского, который тут же был арестован. После этого чехи в большом количестве пошли на

нас в атаку. Я и красногвардейцы были страшно удивлены, увидев, что наступающих чехов ведёт наш бывший командир Подшивалов. Увидели на той стороне реки ещё некоторых бывших членов Совдепа. Мои бойцы страшно возмущались такой подлой изменой. Среди красногвардейцев возникла паника, когда они увидели, что против них воюют бывшие Совдеповцы. Некоторые бросились на меня с выкриками: «А ... вы там все предатели в Совдепе!» Меня тогда чуть не подняли на штыки. Я им в спешке доказывал, что я-то с ними, не все – предатели, я-то здесь, с вами вместе воюю, я такой же солдат. Чехи уже начали выходить на наш берег, я бросился к пулемёту и начал стрелять, но ленту заело. Оглянулся, а красногвардейцев нет, они убежали, а со мной остались только двое. Мы с товарищами, отстреливаясь на ходу, бросились через забор, огородами и дальше – в разные стороны. Пули свистели кругом, одна мне порвала штанину, но ногу не задела. Чехи нас долго не преследовали. Я спрятался в кустарнике, снял с себя и закопал пулемётную ленту, и когда всё затихло, пошёл искать товарищей в сторону деревни Абрамово. Мы раньше договаривались встречаться возле этой деревни, если нам придётся туго. Туда же мы раньше на двух подводах привезли винтовки, ручные бомбы, патроны и оставили в кустах на самом берегу реки рядом с мельницей буржуя Рыбникова. Здесь работал знакомый мне рабочий Данилов. Он дал мне переодеться старую поношенную одежду, пока я переодевался, он с четвёртого этажа наблюдал за дорогой, не идут ли сюда чехи. Вскоре спустился и доложил, что вдалеке перебежками сюда приближаются чешские солдаты. Мы быстро побежали с Даниловым, свалили винтовки и бомбы, предварительно сняв с них капсули, в реку. Надо было ещё спрятать тринадцать ящиков с патронами для трёхлинеек, тут стали подходить деревенские люди и за нами наблюдать. Тогда мы

эти ящики быстро погрузили в лодку, оттолкнули её от берега и перевернули. Только мы успели это сделать, как из-за угла выскочили чехи и местные добровольцы – буржуйские холуи. Нас с Даниловым схватили. Каинские и местные буржуи тут же хотели нас прибить, но чехи не допустили. Вначале нас посадили в амбар братьев Трошиных, но те возмутились, мол, они – арестанты, им терять нечего, сожгут амбар, а мы пострадаем. Из амбара нас вывели и стали допрашивать. Вокруг собралось много местного народа. Кто-то нас ругал, а кто-то сочувствовал, особенно женщины, некоторые из них плакали. Меня беспокоило, что при мне был наган, и как-то от него надо было незаметно избавиться. Рядом стояли женщины, особенно одна плакала, жалела нас. Я дал ей знаками, чтобы она подошла поближе, она, видно, что-то догадалась, прошла рядом со мной, подняла фартук, как бы вытирая слёзы, и я успел ей в фартук бросить наган. Тут нас стали обыскивать, но ничего не нашли. Тогда чехи меня арестовали и повезли в Каинск, а Данилова отпустили, так как все местные подтвердили, что он работник с мельницы.

В городе на понтонном мосту из бочек нас уже ждали местные буржуи: миллионеры братья Коганы, аптекарь Керис и ещё кто-то. Они требовали меня тут же прибить и бросить в речку, но чехи не позволили этого сделать, а повезли к вокзалу железнодорожной станции. Здесь я увидел арестованного раньше меня Здвинского. Он был под надзором известного карателя Аркадия Соколова, который потом у Колчака служил начальником контрразведки. Это был страшный человек, настоящий инквизитор, сколько он наших людей расстрелял, забил шомполами, плетьюми, сколько уничтожил заключённых в тюрьмах! Ходил он всегда со шпагой, подаренной ему императором Николаем II за успешное подавление рабочих забастовок, восстаний.

Как только я поздоровался со Здвинским, он тут же закрычал: «Не допускать! Не допускать до председателя Совдепа комиссара!» Меня тут же отвели на противоположную сторону вокзальной площади. Каинская буржуазия бесновалась, некоторые рвались ко мне, чтобы убить, но чехи самосуда не позволяли, говорили, что, мол, мы сами разберёмся. Ко мне подошёл очень довольный, приехавший из Барабинска, бывший председатель нашего Совета депутатов Каплун Д.К. и с усмешкой говорит:

– Ну что, Сурков, насовдепили. Вот теперь-то и ответите за свои дела.

– Спасибо, Данила Калинович, за подготовку контрреволюционного бунта.

Он в ответ ехидно улыбнулся и пошёл к тов. Здвинскому, что-то ему тоже сказал, я, конечно, не слышал, но легко можно догадаться о том, что он мог сказать. Тут подвели ещё наших членов Совдепа Тесемникова, Иванова и ещё несколько человек. Меня с ними посадили в один вагон и повезли в Барабинск. Здвинского с нами не взяли.

В Барабинске комендантом был чешский офицер капитан Гайда, который потом Колчаком был произведён в генералы. Он находился в особом вагоне и лично по одному вёл допрос арестованных. После допроса некоторых отпускали, а иных возвращали снова в вагон для арестованных. Я стоял в вагоне недалеко от дверей и поэтому попал на допрос одним из первых. Выручила меня тогда моя предусмотрительность.

Не так давно я с красногвардейцами верхом на лошадях делал объезд территории за городом и села Абрамово. Возле мельницы остановил одного крестьянина, который уже перемолол зерно и вёз муку к себе домой. Я спросил документы, он показал удостоверение крестьянина деревни Зюзя, сказал,

что вот смолот зерно и теперь едет домой с мукой. Я взял это удостоверение, положил к себе в карман, а мужику пожелал благополучно доехать до дома, а документ, мол, этот ему уже не нужен.

Когда меня ввели, чешский офицер резко спросил:

– Ты кто, комиссар?

– Какой комиссар, господин офицер. Я вообще ничего не знаю и не понимаю, почему меня арестовали. Я крестьянин из села Зюзя, ехал на мельницу молотить зерно на муку, меня встретила красная банда, отобрали воз хлеба вместе с лошадей и увезли куда-то. Я и так расстроен страшно, меня ограбили, а тут ещё почему-то арестовали непонятно за что. Вот у меня и документ есть, посмотрите сами.

Гайда заинтересовался, спросил, где это было, какие обстоятельства. Я ему врал по ходу.

– Сколько было красных? – я ответил.

– Как они были вооружены? – я опять соврал, что придумал.

Он задумался, повертел мою бумагу в руках и говорит:

– Ты правда кажешь? Дашь честный слово, правда кажешь?

– Да истинная правда, господин офицер. Провалиться мне на месте, если вру. Да если ещё попаду и совру, так пусть меня хоть расстреляют.

Гайда немного подумал и говорит:

– Ну ладно, иди.

– А куда я пойду-то?

– На все четыре сторона, как хочешь.

– Так я выйду, а меня снова заарестуют и опять приведут сюда.

Офицер взял бумагу и стал что-то писать, как я понял, почешки. Я его спрашиваю:

– А что это, господин офицер, вы пишете непонятное?

– Это я пишу по-чешски. Наши русский не умеют, прочитают – отпустят, иди.

Я поблагодарил офицера, низко поклонился и вышел. Хорошо, что он дал мне эту бумагу, пока шёл по Барабинску, меня несколько раз останавливали. Направился в сторону западной окраины города и временно поселился там у человека, фамилию которого запомнил: Попов Михаил Прокопьевич. Он меня укрыв, не спрашивая фамилии. Чехи рыскали по всему городу, вылавливали таких, как я. Как-то вечером Попов собрался идти туда, где он работал, на собрание в клуб. Я тоже пошёл, но далеко в зал не проходил, а стоял и слушал из-за двери. Выступал некто Азеев, прибывший из Омска от непонятно какой организации, и с ним ещё машинист Омского депо. Азеев очень агрессивно требовал «стереть с лица земли большевиков и всех, кто их поддерживает». В таком же духе выступили ещё несколько человек. Потом попросил слова, как он сказал, от имени рабочих машинист Барабинского депо Папшев и говорит:

– Я не согласен с теми, кто сейчас выступал. Что же получается? У нас была династия Романовых – её «с лица земли» свергли буржуазные деятели, эсеры, меньшевики. Их потом также «стёрли» большевики. Сейчас опять какая-то неизвестная партия берёт верх, чтобы «стереть» большевиков. Что же это такое творится, а жить-то кто останется? А, по-моему, должно так: если большевики у власти не могут руководить, то их просто не нужно допускать в органы управления, зачем же их истреблять-то? Я думаю, это было бы правильно.

Вся толпа аплодировала Папшеву, кричали: «Верно!» Потом выступил монтер из депо Маслов и опять стал требовать уничтожить большевиков и поддерживать чехов, они, якобы, с нами одной веры, и они наши братья. Вся буржуазная вер-

хушка его поддержала. Я следил за Папшевым. Смотрю, он забеспокоился, оглянулся туда-сюда и потихоньку скрылся из клуба.

Как только собрание закончилось, я вышел на улицу вместе с толпой и понял, что из города надо уходить. Пошёл на запад вдоль железной дороги в сторону разъезда Барабушка, где мы когда-то прятали оружие, и неожиданно встретился с тремя товарищами, разведчиками из моей роты. Они меня сразу-то и не узнали, я ведь был переодет и изменился за эти дни. Конечно, обрадовался такой встрече, и мы вместе пошли до Барабушки, где я встретил красногвардейцев из моей роты. Они все удивились, что я вырвался как-то живым, обрадовались, что вернулся командир.

Посоветовавшись, приняли решение – послать человека в Татарск. Мы знали, что там тоже есть рота красногвардейцев и нам надо совместными усилиями биться с врагами. Через некоторое время «татарцы» к нам прибыли во главе с молодым командиром по фамилии Васильев. Прибыли на поезде с платформами, на которых были установлены пушки и пулемёты. Конечно, мы воодушевились, теперь нас много, и мы неплохо вооружены. Я рассказал Васильеву обстановку в городе и предложил немедленно повести наступление на чехов. Татарцы как будто сробели, не поддержали меня, сказали, что им известно, что у чехов есть бронепоезд, они очень хорошо вооружены, их много, и нам не справиться. Рота решила пока вернуться назад, а я упрекнул Васильева в трусости. Он был человек гордый и, конечно, обиделся на меня. Скоро они вернулись, и Васильев предложил действовать по-иному, а не просто открыто, в лоб. Мы все разместились на платформах и потихоньку направились в сторону Барабинска. Когда подъехали «на выстрел» до вагонов, где размещались чехи, остановились, немного впереди сняли рельсы, положили их

крестообразно, на случай если у них есть бронепоезд, чтобы задержать, и только после этого дали первые выстрелы из пушек по вагонам наших врагов. Они не ожидали такого дела, там, видно, случился переполох, и они в спешке стали отступать на восток, за город. Наши орудия стреляли не точно, кажется, ни один снаряд не попал по вагонам, но мы поняли, что бронепоезда у них нет. Тогда мы быстро уложили рельсы, вошли в город, и завязался бой с не успевшими уйти из города чехами. Здесь к нам присоединилось, наверное, не меньше роты Барабинских рабочих. Стали очищать город от чехов и их приспешников, вылавливать их и сопротивляющихся уничтожать. Жители города, сочувствующие нам, также помогали их отлавливать и отбирать оружие, как это делали рабочие депо Илларионов, Пуканов, Мецнер, Чернов и другие. Запомнился один цыган, участник русско-японской войны (их табор стоял за городом) Иван Антонов. Бывший солдат, участник войны с японцами, он нам здорово помогал: верхом на лошади с шашкой гонял и уничтожал непрошенных гостей. Как потом говорили, во время освобождения города было уничтожено, наверное, около двухсот чехословацких солдат. С нашей стороны тоже были погибшие, но не так много. Чехи, бывшие в то время в Каинске, разбежались по деревням и, кто мог, бежали на восток.

Освободив с боями Барабинск, мы шли дальше в сторону Новониколаевска. Тяжёлый бой был у станции Кожурла, потом выбили их из Убинска и успешно продвигались до станции Каргат. Отступающие взрывали всё, до последнего мосточка. Приходилось всё восстанавливать на ходу, в этом нам хорошо помогали присоединившиеся к нам рабочие Барабинского депо. Наступление остановилось у станции Каргат, так как противники взорвали мост через реку Каргат, а его восстановить было не просто. Во время нашего

наступления в ночь на 31 мая прибыл председатель Совдепа города Татарска товарищ Закраевский, в прошлом военный офицер в чине штабс-капитана, он принял на себя общее руководство. Мы с Васильевым руководили своими ротами и присоединившимися к нам Барабинскими рабочими.

Мост через реку Каргат нам восстановить не пришлось. Первого июня мы увидели, как с востока на станцию Каргат стали подходить эшелоны войск белогвардейцев и чехов, сила их возрастала. Силы стали не равны. Наши противников было много раз больше нас, и вооружены они были пушками, пулемётами. Пришлось с боями под сильным артиллерийским и пулемётным огнём отступать, нести человеческие потери.

Сдали ст. Убинскую, Кожурлу, Барабинск, очень тяжёлый бой был у станции Тибис. Наши враги шли густой цепью, а мы, отступая, отстреливались винтовками и пулемётами, большие потери были с обеих сторон. Помню, я залёг в удобное место и из винтовки меткими выстрелами бил по врагам, но когда оглянулся, наша цепь ушла далеко, пришлось перебежками догонять. Командование всё время запрашивало подкрепление из Омска, ожидали прибытия Пермского полка, но его не было. Наконец, в обед 5 июня пришло подкрепление, прибыл интернациональный полк мадьяр (венгры). Они быстро спешили, частью пополнили наши цепи, частью обошли чехов с флангов, и мы стали бить и гнать противника. Чехи бежали, под перекрёстным огнём цепи их сжимались, мы загоняли их в озеро, они бросали оружие, поднимали руки, сдавались, но мадьяры, несмотря на предупреждение сдававшихся не бить, никого не щадили, только говорили: «Собака она!». Наконец, бой закончился, стали торжественно и скорбно хоронить погибших бойцов. У нас погибло более сорока человек и ещё больше ранено, противников было уби-

то гораздо больше, так как на тот момент превосходство было на нашей стороне. Особенно мы переживали гибель одного из командиров Татарской роты. Молодой, отчаянный был боец, не прятался, не укрывался, не берёг себя, не осторожничал, вот и поймал грудью пулю. Очень смелый и отважный был защитник наших идей, настоящий герой.

6 июня чехи собрали большие силы и нанесли нам контрудар. Мы поняли их полное превосходство и стали отступать на запад, откуда помощи так и не дождалось. У нас заканчивались боеприпасы, приходилось беречь каждый патрон. Отступая с боями и теряя людей, сдали станцию Чаны и уже приближались к Татарску, связь прервалась. Вот видим, оттуда идёт эшелон, мы оживились, думали, идёт нам подкрепление, но то были белогвардейцы, пришедшие из Омска. Они выгрузились, построились и пошли на нас. Мы оказались как бы в котле: с востока из пушек и пулемётов по нам били чехи, а с запада наши новые враги. Фактически, нас окружили, бежать было некуда, да и трудно уйти из-под такого огня. Возле меня разорвался снаряд, меня оглушило (контузило), и я потерял сознание. Очнулся в какой-то крестьянской избе. Узнал потом от хозяев, что мои красногвардейцы, прорываясь и отступая, занесли меня без сознания в эту деревушку. Мне опять повезло, попали хорошие люди и не сдали меня на смерть врагам, осторожно сохранили у себя в доме. Спасибо добрым людям. Позже я узнал, что много мадьяр и наших тут погибло, но часть смогла прорваться из этого окружения и ушла на север, в сторону урманов, где потом они создавали партизанские отряды.

(Окончание следует.)